

- Мама? закричал я, входя в дом. Я не был дома по крайней мере неделю, и куча белья, которую я собрал в колледже, была довольно впечатляющей как по размеру, так и по запаху.

-Мама? - снова закричал я. Интересно, где она? Ее машина стояла на подъездной дорожке. Она не могла быть далеко. Она почти не выходила из дома с тех пор, как родился мой младший брат.

Было довольно странно иметь младшего брата в моем возрасте. Но мама, она забеременела мной, когда она еще училась в средней школе, а сейчас ей едва перевалило за тридцать.

Долгое время мы были только вдвоем. Потом появился Брайан.

Брайан был нормальным, но, честно говоря, я знал, что моя мама могла бы найти лучший вариант.

Но она казалась такой счастливой, выходя замуж за Брайана, и еще более счастливой, когда вскоре после этого забеременела моим сводным братом Йеном.

- Мама? - позвал я в третий раз, поднимаясь по ступенькам на второй этаж.

С появлением Йена все значительно изменилось. Я ничего не имел против, но он был тяжелой головной болью. Казалось, он почти не ел и не спал, а когда просыпался, то все время плакал.

У нас еще не сложились какие-то братские узы. Несмотря на мои усилия делать полуторачасовую поездку домой из колледжа как можно чаще.

Я также делал это, потому что видел, что моя мама в последнее время сильно напрягалась.

Она призналась мне, что Брайан почти не бывает дома с тех пор, как родился Йен. Он не мог справиться со стрессом, связанным с воспитанием новорожденного.

- Мама? - позвал я чуть тише, понимая, что она могла уложить Йена.

Затем я услышал странный звук. Из комнаты мамы и Брайана доносились приглушенные рыдания.

Я осторожно открыл дверь и увидел ее.

Это было сбивающее с толку зрелище. Моя мама была там, но я не мог видеть ее лица. Ее обычно медового цвета волосы были мокрыми и темными локонами свисали на глаза. Ее плечи вздымались и опускались от рыданий.

Покальвание, похожее на электрический разряд, пробежало по мне, когда я увидела остальную часть сцены. Она была топлесс, белое полотенце, которое было на ней, соскользнуло и обвилось вокруг талии и бедер. Ее соски были прикрыты там, где соприкасались с бедрами.

Я чувствовал себя виноватым, но не мог не задержаться дольше, чем было необходимо.

Сиськи моей мамы всегда были для меня чем-то вроде проблемы. Проще говоря, они были гигантскими. Сколько я себя помнил, я замечал, что на нее смотрят незнакомые мужчины. Позже, когда я стал подростком, все мои друзья пытались заглянуть ей в декольте. В любой комнате я мог бы сказать, почти не напрягаясь, сколько мужчин пялились на ее сиськи. Это всегда меня злило.

Я признаю, что действовал довольно жестокими способами, чтобы отогнать любых потенциальных парней, которых она могла иметь, когда я был моложе. Но я всегда был добр к ней. Она была близка к совершенству во всех отношениях, и я еще не встречал человека, достойного ее.

Брайан прорвался через мою линию обороны только потому, что я отсутствовал, находясь на первом курсе колледжа.

Я терпел его присутствие, потому что он сделал мою маму счастливой, по крайней мере, вначале. Но если она плачет из-за него, я убью этого ублюдка.

Мой защитный инстинкт проснулся, и мне захотелось ударить кого-нибудь. Она выглядела такой уязвимой, такой красивой в луче света, пробивающегося сквозь наполовину задернутые шторы спальни.

Мне было стыдно, что, пока это происходило, я не мог не смотреть на то, как ее сиськи тряслись при каждом всхлипе.

После рождения Йена ее молочные железы еще больше распухли от грудного молока, и теперь каждая была даже больше моей головы.

В глубине души я смутно гадал, на что они могут быть похожи на ощупь.

- Чейз? - Звук собственного имени вывел меня из задумчивости. Я поднял глаза от того места, где я откровенно смотрел на обнаженную грудь моей мамы, и увидел, что ее красные глаза смотрели на меня. Я почувствовал, как жар и румянец заливают мои щеки.

Я не мог скрыть от нее, что смотрю на нее. Может быть, потому, что она так привыкла к этому от мужчин вообще, или, может быть, потому, что она просто была рада видеть меня, но она быстро отодвинула неловкость в сторону и спросила.

- Что ты делаешь дома, малыш?

- Гм... - пробормотал я, пытаюсь оправиться от смущения. - Привет, мам.

Она поспешно прикрылась, приложив одну руку к груди, но у нее плохо получалось. Там было слишком много скрываемого, и мои глаза напряглись, пытаюсь сфокусироваться над ее декольте.

- Ты в порядке? - Это было все, что я мог сказать, чтобы перенаправить разговор обратно на нее.

Она улыбнулась сквозь слезы и протянула свободную руку, показывая, что хочет обнять меня. Я немного поколебался, потом решил, что она все-таки моя мама, и это не так уж странно.

Я подошел к ней и наклонился, чтобы обнять ее так, чтобы наши тела оставались как можно дальше друг от друга.

- Ох, Чейз. Теперь, когда ты дома, я чувствую себя лучше.

Она была такой теплой, и от нее пахло шампунем с ароматом розы, который ассоциировался у меня с комфортом. Я почувствовал соленый вкус ее слез, когда мои губы коснулись ее щеки.

Я бы разорвал свои слабые объятия, если бы мог, но она была моей матерью, и она крепко притянула меня, заставив слегка потерять равновесие.

Я почувствовал странное шевеление внутри себя от прикосновения ее обнаженной плоти ко мне. Она вздрогнула и тихонько зашипела от прикосновения.

Я быстро попятился и посмотрел на ее гримасу с беспокойством, спрашивая: - Seriously, мама, ты в порядке?

- Ничего такого, что должно тебя волновать, малыш.

- Мама? - Я пристально посмотрел на нее. Мы были ближе, чем любая другая мать и сын, которых я знал. Отчасти это было из-за нашей относительной близости по возрасту, но также и потому, что большую часть нашей жизни мы были единственными родными душами друг для друга. Мы доверяли друг другу всё.

Она была первым человеком, которому я сказал, что потерял девственность. Она была очень рада за меня, и вела себя как нормальная мама, когда напоминала мне всегда пользоваться презервативом. Но, учитывая ее историю, это было неудивительно.

Смутившись, она со вздохом ответила: - Твой брат был невозможен, я только что успокоила его, и это заняло у меня больше часа. Брайан почти не бывает здесь, и я начинаю понимать, что он не был готов растить ребенка.

- Хочешь, чтобы я его убил? - Я шутил лишь отчасти. Мне не нравилась мысль, что Брайан так обижает мою маму.

Она на самом деле немного посмеялась над этим, и мне стало тепло слышать это. - Нет... это лишь малая часть проблемы. Честно говоря, он так злится каждый раз, когда слышит, как Йен плачет, что, мне неприятно это признавать, я чувствую небольшое облегчение, когда он не приходит домой до глубокой ночи. Труднее всего то, что Йен просто не хочет есть.

Я бросил на нее растерянный взгляд, не до конца понимая ее намек, затем покраснел, когда поймал ее взгляд, непроизвольно опустившийся на ее частично прикрытую грудь.

- Ох... - сказал я, а потом: - Ааа!

- Да, и я не думаю, что ты понимаешь, как это тяжело для матери. Ты был таким хорошим. Ты ел так легко, хотя я сама была немногим больше, чем ребенок, и понятия не имела, что делаю. Теперь я чувствую себя еще менее подготовленным к этому, хотя я стара и это не в первый раз.

- Мам, - усмехнулся я, - ты не старая. Буквально каждый, кто встречает нас в первый раз, думает, что ты моя сестра.

- Ах, ты, прекрати. - она легонько шлепнула меня по руке, а потом сказала: - Вообще-то подожди, продолжай.

На этот раз я рассмеялся и обнаружил, что наклонился немного ближе к ней, несмотря на дискомфорт от ее наготы. Солнечный свет, проникавший в окно, создавал для нас маленький островок тепла.

Ударив меня по руке, она снова поморщилась и принялась тереть верхнюю часть правой груди. Плоть там выглядела набухшей и более жесткой, чем следовало бы.

Видя мое беспокойство, она добавила: - Хуже всего то, что мне так больно. Когда Йен не ест, эти, - она опустила глаза и подыскала вежливое слово, - штуки так полны молока, что я чувствую, как они хотят лопнуть. Я не могу передать, как это неудобно.

- Ты пробовала насос?

- Три! Ни один из них не подходит, чтобы соответствовать моим, э-эмм, пропорциям. Они просто не образуют достаточно плотного уплотнения, чтобы создать всасывание. - Она указала на одно такое устройство, которого я раньше не замечал и которое, очевидно, было брошено в

угол комнаты. Теперь оно было разделено на несколько частей. Судя по тому, что я мог разглядеть, именно это и привело ее в отчаяние.

Я сочувственно кивнул и постарался не думать о том, чтобы посмотреть вниз на эти столь щедрые пропорции,

- Единственное, что помогает — это массировать их, но даже это бесполезно, потому что я просто не могу получить достаточно давления. Мне действительно нужна помощь.

- А как насчет Брайана?

- Брайан, - она ядовито выплюнула это имя, - хочет, чтобы я перестала кормить грудью и посадила Йена на молочную смесь. Он говорит, что я похожа на дойную корову и не подойдет ко мне, пока я не верну свое прежнее тело.

- Мудак.

Она кивнула и шмыгнула носом. Я видел, как слезы, которые, как мне казалось, я прогнал, возвращаются в уголки ее глаз.

- Эй, - я похлопал ее по плечу, - не...

- Я не уверена, что смогу это сделать.

Она выглядела такой жалкой, что слова просто сорвались с моих губ, прежде чем я смог их как следует обдумать: - Я могу помочь?

Она покачала головой, и от этого движения единственная слеза скатилась по нижнему веку и по щеке к подбородку. - Я не могу просить тебя об этом, Чейз.

- Мам, - я чуть увереннее положил руку ей на плечо, - я хочу помочь. Тебе нужна помощь. Что я могу сделать? Между нами никогда не было ничего странного, почему это началось сейчас?

Я увидел, как ее дрожащие губы немного напряглись в самом близком приближении к улыбке.
- Правда? - спросила она.

<http://tl.rulate.ru/book/1226/33855>